БОГАТЫРСКІЯ МОГИЛЫ.

Сродство и потаенная связь языковъ, обычаевъ, повѣрій и преданій, у различныхъ племенъ и въ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ, не рѣдко заставляетъ насъ призадуматься. Въ Нерехтѣ вы услышите *божить* вмѣсто желать, хотѣть; и только, проѣхавъ 1000 верстъ на югъ, вы опять услышите нѣчто похожее на Украйнѣ: *бажать*, или въ Бѣлоруссіи: *бажаць*. Глаголъ *нишнуть*, употребляемый въ просторѣчіи почти только въ повелительномъ наклоненіи: *нишни,* замолчи — также отзывается на Украйнѣ въ нарѣчіи *нищечкомъ*, потихоньку, тихо. Говорятъ, что древнѣйшая рукопись сказки или сатиры о *лисѣ*, обработанной между прочимъ также Гёте, найдена на языкѣ Гальскомъ; въ Германіи сказка эта съ незапамятныхъ временъ обратилась въ народную, и тоже находимъ мы въ Великой и Малой Россіи;

въ нашихъ сказкахъ лиса пускается на однѣ и тѣже продѣлки, какъ и тамъ. Кто и когда отъ другаго заимствовался?

Въ Россіи, въ нѣсколькихъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ, но впрочемъ все болѣе на сѣверѣ, находимъ мы въ народѣ сохранившійся по нынѣ обычай или повѣрье честить загадочную могилу неизвѣстнаго богатыря тѣмъ, чтобы, поминая его, когда минуешь могилу эту, бросать на нее, что случится подъ рукой. Это находимъ мы у Торопца, у Холма, а также на самомъ сѣверѣ у Ледовитаго океана, у Ижемской Чуди. Вотъ что объ этомъ тутъ и тамъ разсказываютъ мѣстные жители:

Холмскаго уѣзда, вплоть у деревни Изорь, при устьѣ впадающаго въ оную безименнаго ручья и при дорогѣ отъ погоста Канищева, къ рѣчкѣ Куньей, есть холмъ, мимо котораго не пройдетъ и не проѣдетъ ни одинъ крестьянинъ того околодка, не кинувъ, перекрестясь, на бугоръ этотъ клочекъ сѣна или травы; даже конный сходитъ на этомъ мѣстѣ съ лошади, чтобы исполнить завѣтный обрядъ. Старожилы

говорятъ, что это ведется съ незапамятныхъ временъ, въ чемъ и нельзя сомнѣваться; такой обычай не могъ родиться, не только въ память нынѣшняго поколѣнія, но даже въ память дошедшаго до насъ преданія — иначе былъ бы также извѣстенъ поводъ къ тому, и самое время, когда онъ завелся. Преданіе говоритъ только, что это дѣлается въ поминъ погребеннаго на томъ мѣстѣ могучаго въ свое время богатыря, съ вѣрнымъ конемъ его. Если кто не захочетъ, или даже позабудетъ воздать ему заповѣдную честь, то онъ ночью выходитъ изъ заповѣдной могилы своей, на конѣ и въ полномъ вооруженіи, и заслоняетъ великодушному путнику дорогу. И всадникъ и конь его необычайнаго роста, вооруженіе древнее, шеломъ и кольчуга съ налокотниками; все это блеститъ ярко; видно — богатырь о сю пору чистится отъ скуки и бережетъ сбрую и доспѣхи свои отъ ржавчины. Это мѣсто называется *сопкою–богатыря*, *богатырской сопкой*.

Мѣстоположеніе вкругъ деревни Изоръ ровное и боровое; по другую сторону рѣки,

въ сосновомъ бору, стоятъ рядомъ еще три насыпныя сопки или могилы, но небольшія, немногимъ выше человѣка. Вокругъ нихъ раскидано множество крестовъ, грубо вытесанныхъ изъ камня дикаго, и, по наружному виду ихъ, весьма древнихъ. Это мѣсто называется *могильниками*. Нѣтъ даже и преданія о томъ, чтобы здѣсь когда нибудь стояла церковь или было кладбище; но и по другимъ направленіямъ вокругъ богатырской сопки также разсѣяны такіе же небольшіе курганы, повидимому насыпные, но безъ всякаго порядка и не рѣдко порознь.

Съ открытіемъ весны, на богатырской сопкѣ оказывается столько сѣна, что, какъ крестьяне говорятъ, стало бы его на прокормъ одной лошади во всю зиму; но никогда и никто не посмѣлъ свезти этотъ стожокъ, для потребы своей, домой, даже во время большаго недостатка корму и трудности прокормить скотъ. Отъ этого приключилась бы такая бѣда, что мужики, на вопросъ объ этомъ, не могли даже

придумать, чѣмъ бы такой смѣльчакъ поплатился.

Почти тоже находимъ и въ Торопецкомъ уѣздѣ. Тутъ дорога къ Смоленску, между рѣками Торопою и Двиною, пролегаетъ песчанымъ берегомъ, и, не вдалекѣ отъ погоста Бѣнецъ, виднѣются нѣсколько кургановъ, по здѣшнему — сопокъ, довольно возвышенныхъ и уже поросшихъ лѣсомъ. Замѣтимъ впрочемъ мимоходомъ, что послѣднее обстоятельство не доказываетъ древности кургана: — такъ называемыя французскія могилы, на пути обратнаго шествія великой арміи, также поросли уже соснами въ человѣка толщины. Здѣсь однако же, въ Торопецкомъ уѣздѣ, въ память людскую не было никакого событія, объясняющаго присутствіе бѣнецкихъ сосенъ; одно преданіе говоритъ, что это есть побоище Руси съ Литвою; другое напротивъ утверждаетъ, что здѣсь побита и погребена большая шайка вольницы, истребленной неизвѣстно когда, царскимъ войскомъ.

Подлѣ самой дороги и вблизи кургановъ есть мѣсто, урочище, не означенное ни сопкой, ни другимъ наружнымъ признакомъ; а между тѣмъ оно живетъ въ памяти народа, и каждый изъ окружныхъ жителей его знаетъ. Здѣсь подвизался, съ неимовѣрною храбростію, какой–то славный витязь, котораго имя забыто и забыто также — для чего и за кого онъ положилъ свой животъ; но думать надо, что онъ стоялъ за святое дѣло, иначе бы народъ не чтилъ о сю пору память его: либо онъ побилъ Литву, либо разбойниковъ. Въ старину, по увѣренію стариковъ, за него служили панихиды; теперь же поминовеніе его замѣнено особымъ, установившимся за общій обычай, обрядомъ: каждый изъ окрестныхъ жителей, минуя это мѣсто, считаетъ ненарушимою обязанностію своею отломить вѣтку отъ дерева, и бросить ее на могилу или на поприще удалаго богатыря. Въ лѣтнее время здѣсь бываетъ много ѣзды, и обратившійся въ привычку обычай исполняется всякимъ проѣзжимъ, кромѣ развѣ чужестранныхъ людей; поэтому

костеръ сучьевъ наростаетъ день ото дня, и образуетъ наконецъ большую кучу или курганъ. Но вотъ что замѣчательно: костеръ этотъ растетъ только два года, а на третій сгараетъ; на пепелищѣ появляются два сучка, сложенные крестомъ, и они служатъ основаніемъ новаго костра, который накопляется опять также два года, а на третій — сгараетъ. Такъ ведется съ незапамятныхъ временъ. Отъ чего костеръ сгараетъ и кто кладетъ въ основаніе новаго памятника два сучка крестомъ, этого никто не знаетъ; по крайней мѣрѣ вы не найдете никого, кто бы это вамъ сказалъ. Крестьяне увѣряютъ, что ни у кого рука не поднимется поджечь костеръ, хотя ему и суждено сгорѣть, и это должно быть витязю пріятно — но никто однако же не посмѣетъ къ нему прикоснуться. Старики говорятъ, что уже за ихъ память это дѣло идетъ своимъ порядкомъ болѣе полустолѣтія, а при отцахъ и дѣдахъ ихъ было все тоже, но что никто и никогда не могъ подсмотрѣть, кѣмъ костеръ зажигается. Мало того, увѣряютъ, что многіе заставали свѣжую и

теплую золу на могилѣ богатыря, но огня никто не видалъ, хотя такая огромная куча и должна горѣть ярко и довольно долго. Вѣроятно это дѣлается зимой, когда лѣтняя дорога покидается и западаетъ снѣгомъ, а прокладывается ближайшій зимникъ по болотамъ и озерамъ. Это объясняется также, какимъ образомъ, пылающій костеръ никогда не разносилъ лѣснаго пыла или пожара, котораго слѣдовъ не видно на ближайшихъ хвойныхъ деревьяхъ. Если мы не согласимся вѣрить, вмѣстѣ съ народомъ, въ это чудо, то остается предположить: либо, что распространенное и укоренившееся въ народѣ повѣрье заставляетъ того или другаго, кого случай наведетъ въ урочное время на то мѣсто, зажечь костеръ, и утаить это, обманывая и себя и другихъ, какъ это нерѣдко въ суевѣріяхъ случается; либо, что этотъ обрядъ всесожженія составляетъ тайну немногихъ, соблюдающихъ въ родѣ своемъ какое нибудь завѣтное преданіе.

Теперь перейдемъ на Ижму, и разскажемъ чудесное преданіе о *Ягсѣ*, о зломъ волхвѣ и богатырѣ, котораго имя осталось по нынѣ въ памяти народной, обратившись въ нарицательное, и означая почти тоже въ повѣріи племенъ этихъ, что по нашему лѣшій.

Саженъ полтораста отъ селенія Ижмы, гдѣ между изгородами пролегаетъ по берегу рѣки дорога, лежитъ небольшой курганъ, заваленный хворостомъ, обломками сучьевъ, каменьями и тому подобнымъ хламомъ. Кто бы ни шелъ мимо, всякій бросаетъ на холмикъ этотъ, что попадается ему подъ руку; такъ ведется съ незапамятныхъ временъ и народъ до того къ этому привыкъ, что всякій, не доходя до кургана, оглядывается и запасается во время хворостиной, вѣткой или камнемъ, потому что вкругъ самаго кургана чисто, и все движимое давно уже подобрано. Кто бы рѣшился не исполнить этого обычая, на того народъ сталъ бы смотрѣть, какъ на опаснаго вольнодумца и безбожника, или какъ на невѣжду, пренебрегающаго

священными, вѣковыми обычаями отцовъ и дѣдовъ.

Старики разсказываютъ, что въ прежнія времена, которыя, какъ всякому извѣстно, славились чудесами, вкругъ этой могилы бродили въ осеннія, темныя ночи какія–то страшилища, сверкая раскаленными, какъ уголь, глазами, и завывая страшными голосами. Иногда на курганѣ вспыхивалъ синеватый огонь, и въ огнѣ этомъ видны были яркіе, красные, будто налитые кровью глаза. Бывали смѣльчаки, которые подходили въ это время къ кургану, но они возвращались оттуда изувѣченными и нѣмыми, или даже сумасшедшими. И теперь еще курганъ этотъ внушаетъ суевѣрный страхъ всѣмъ окрестнымъ жителямъ; никто, конечно, не рѣшился бы пройти ночью по близости его, а всякій дѣлаетъ обходы, осѣняясь крестомъ и молитвой.

Въ стародавнее время, когда еще ижемцы не знали ни какихъ властей, кромѣ старшихъ своихъ, жили разсѣянными по дремучимъ лѣсамъ своимъ, питаясь и одѣваясь тѣмъ, что добывало копье, лукъ и

стрѣла, поклонялись каменнымъ и деревяннымъ болванамъ, и назывались однимъ именемъ со многими другими племенами, чудью, тогда, около этихъ мѣстъ появился Ягса, кто и что онъ былъ и откуда взялся, неизвѣстно; это былъ, по виду, человѣкъ, но аршиномъ выше всѣхъ другихъ, даже самыхъ рослыхъ людей, голосъ его былъ страшенъ и раздавался по лѣсамъ на большое пространство; глаза кровавые, яркіе, какъ огонь, смуглое, безобразное лицо, черный и густой, жесткій волосъ, въ родѣ конскаго хвоста; щетинистая борода, лапищи огромныя, слѣды такіе, что человѣкъ могъ стать въ каждый изъ нихъ обѣими ногами; одежда изъ шкуръ медвѣдей, которыя онъ билъ копьемъ своимъ; все это придавало ему страшный видъ, и появленіе этого чудища взволновало мирную Чудь, которая дала ему названіе злаго чародѣя *Ягсы*. Онъ никогда и ни съ кѣмъ не говорилъ, ходилъ всегда вооруженный огромнымъ копьемъ и тяжелою сѣкирой; никто не зналъ жилья его, всѣ избѣгали встрѣчи съ нимъ, но онъ

по временамъ являлся вблизи жилищъ, для грабежа и разбоя: онъ убивалъ людей безъ причины, ради одного страха или для забавы; онъ угонялъ скотъ, уносилъ дѣтей, которыя пропадали безъ вѣсти, но въ особенности преслѣдовалъ молодыхъ и пригожихъ дѣвушекъ, которыхъ высматривалъ, бродя по ночамъ вкругъ огней, выхватывалъ изъ мирной семьи, и, перекинувъ черезъ плечо, какъ волкъ овечку, бѣгомъ уносилъ въ неизвѣстную никому берлогу свою. Это нагнало на жителей такой страхъ, что люди почти умирали съ голоду, не смѣя итти въ лѣсъ и къ озерамъ на промыслы, изъ опасенія встрѣчи съ Ягсой, который въ такомъ случаѣ всегда почти убивалъ промышленника; дѣвки же прятались постоянно въ самые темные углы жилья своего, не смѣя выказать лица на свѣтъ Божій, чтобы не приманить этимъ страшнаго и проклятаго Ягсу. Но и это ихъ не спасало: онъ былъ волхвъ, отъ котораго трудно было уйти или скрыться. Поворожив, когда ему нужна была жертва,

онъ угадывалъ, въ какомъ мѣстѣ, или жильѣ находилась пригожая дѣвка, и, отправившись туда, нападалъ въ расплохъ на бѣдныхъ жителей и уносилъ красавицу, съ послѣднимъ замираніемъ плача которой западалъ и слухъ объ ней навсегда.

Для злыхъ чаръ своихъ, Ягса разрывалъ свѣжія могилы, доставалъ оттуда трупы, и употреблялъ также кровь невинныхъ дѣтей. Многіе до того боялись его, что приписывали ему всякую сверхъ–естественную власть и силу: злостнымъ могуществомъ своимъ онъ затмѣвалъ солнце, наводилъ тучи, распускалъ дождь, бурю и градъ, онъ морилъ или угонялъ въ подземные вертепы рыбу, разгонялъ звѣрей и животныхъ, и насылалъ страшную засуху, такъ что народу иногда нечѣмъ было питаться.

Много разъ уже чудинцы дѣлали большія сходки, совѣщались, вызывая стариковъ и бывалыхъ людей, какимъ бы способомъ избавиться отъ этого злодѣя; наконецъ ходили на него большими толпами, но или, проходивъ много дней

даромъ, не могли отыскать его, или же дорого платились за смѣлость свою, если его отыскивали: онъ побивалъ множество людей, а самъ уходилъ невредимымъ. Разъ они вздумали вырыть на него огромную волчью яму, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ часто проходилъ, и гдѣ недалекъ былъ глубокій бродъ на рѣкѣ; но Ягса и за это страшно мстилъ несчастнымъ жителямъ: онъ пошелъ бродить по окружности, ловилъ встрѣчнаго и поперечнаго, и бросалъ въ эту яму. Такимъ образомъ чудинцы, взявшись за умъ, поспѣшили скорѣе опять засыпать эту яму...

У старшины одного изъ селеній ижемскихъ была дочь, славившаяся красотою, если не по всей землѣ, то по крайней мѣрѣ по землѣ Ижемской Чуди. Родители хранили ее со всѣми возможными для нихъ предосторожностями, но не уберегли: она пропала безъ–вѣсти, среди бѣлаго дня, а люди видѣли объ эту пору Ягсу издали съ какою–то ношей, и никто не могъ сомнѣваться въ томъ, что онъ избралъ жертвою своею несчастную старшинскую

дочь. Это произвело такой всеобщій порывъ отчаянія, потому что народъ любилъ и уважалъ добраго старшину, и гордился красотою его дочери, — что народъ собрался въ деревню старшины и требовалъ мести. Когда еще судили и рядили объ этомъ событіи, и о томъ, что теперь дѣлать, вдругъ прибылъ старшинскій сынъ изъ сосѣдняго околодка, съ толпою вооруженной молодежи, и громко говорилъ, подымая сѣкиру выше головы своей, что это будетъ позоръ неслыханный, если вся Чудь не подымется на Ягсу, и не отомститъ за такое поруганіе, и что отнынѣ ни одна дѣвушка во всей землѣ Ижемской не взглянетъ на парня, и не позволитъ ему подойти къ себѣ на десять шаговъ, покуда Ягса не заплатитъ жизнію за свою дерзость. Старики, не видя конца этому бѣдствію, поддержали старшинскаго сына, и вся молодежь поднялась подъ предводительствомъ его, и двинулась войной на Ягсу, отдавъ клятву предъ истуканами своими: погибнуть до послѣдняго человѣка, или побѣдить.

Старики пошли изъ селенія въ селеніе, объявляя поголовщину на этого злодѣя и назначая мѣсто для общаго схода.

Съ разныхъ сторонъ стали набираться такія толпы, вооруженныя копьями, стрѣлами, сѣкирами и дубинами, будто народъ поднялся войною на другой народъ, и, глядя на это грозное ополченіе, никто бы не повѣрилъ, что оно двинулось на одного только человѣка, который былъ аршиномъ выше прочихъ людей; но человѣкъ этотъ въ водѣ не тонулъ, на огнѣ не горѣлъ, и его не донимали ни стрѣла, ни легкое копье, пущенное изъ руки; но ходила какая–то темная молва, что онъ не можетъ устоять противъ удара изручь, то есть рукопашной битвы, гдѣ оружіе, которое его поражаетъ, не было брошено въ него, а оставалось бы въ рукахъ бойца. Конечно страшно было подступиться для такой битвы къ сильному чародѣю, котораго многіе называли даже *вежемой*, то есть оборотнемъ; но не менѣе того на такой рукопашной дракѣ чудинцы основали всѣ свои надежды.

Цѣлую недѣлю чудское войско искало злодѣя, но онъ не являлся. Тогда рѣшили залечь въ засаду на томъ мѣстѣ, гдѣ была нѣкогда устроена волчья яма на Ягсу, гдѣ былъ любимый бродъ его, и гдѣ теперь невдалекѣ находится описанный нами курганъ. Мѣсто это въ то время было удалено отъ всѣхъ жилищъ, и берега Ижмы покрыты вѣковымъ боромъ. Три дня чудинцы сидѣли въ засадѣ, на четвертый вечеромъ Ягса показался на противномъ берегу, пощелкалъ, посвисталъ и пошелъ на свой бродъ. Сердца воиновъ чудскаго ополченія замерли отъ страха; но злоба ихъ и чувство мести воспламеняло и ободряло надеждою. Они притаились, выждали Ягсу и встрѣтили его градомъ стрѣлъ, а за тѣмъ, съ неистовымъ крикомъ, чтобы заглушить робость свою и придать себѣ болѣе духу, пошли въ рукопашную. Впереди всѣхъ бросился отчаянный старшинскій сынъ, и первый ударилъ Ягсу изручь копьемъ въ грудь. Не видавъ еще на себѣ крови, Ягса какъ будто оробѣлъ и хотѣлъ прорваться сквозь окружавшую его толпу, побивая изъ

правой руки копьемъ, а изъ лѣвой — сѣкирой, всякаго, кто приближался; но ловкій ударъ копья старшинскаго сына ободрилъ прочихъ, задніе напирали на переднихъ, и стискивали все тѣснѣе густой кругъ, обложившій міроваго злодѣя; онъ отбивался, какъ раненый медвѣдь, перебилъ нѣсколько десятковъ народу, но и самъ былъ сбитъ съ ногъ и приколотъ къ землѣ сотнею копій. Стойте, закричалъ бѣдный старшинскій сынъ, умирающимъ голосомъ, не убивайте его, отрубите ему руки, чтобъ сдѣлать безопаснымъ, и заставьте показать, гдѣ у него полоненныя дѣвушки и старшинская дочь. Это были послѣднія слова его; проколотый насквозь копьемъ волота, онъ испутилъ духъ.

Ижемцы послушались его совѣта, и заставили безрукаго, искалеченнаго Ягсу вести ихъ къ своему логву. Онъ молча повиновался и привелъ ихъ ко входу глубокой пещеры, на берегу рѣчки Кучи, протекающей въ полу–верстѣ отъ этого мѣста. Тутъ нашли нѣсколькихъ пропавшихъ дѣвушекъ, а также — и дочь

старшинскую, но всѣмъ имъ похищенiе Ягсою стоило жизни; нашли одни только трупы ихъ. Народъ горевалъ и каждый вымѣщалъ теперь на злодѣѣ злыя дѣла его, и онъ долженъ былъ переносить все. Разныя вещи, награбленныя имъ и также отысканныя теперь въ пещерѣ, снесли въ костеръ и сожгли; пещеру же завалили каменьями и засыпали землей; а нынѣ никто даже не можетъ указать и мѣста, гдѣ была эта пещера. За тѣмъ народъ отвелъ проклятаго Ягсу опять на то мѣсто, гдѣ онъ быёй полоненъ, отрубили ему тамъ голову, свалили въ яму, пробили между лопатками осиновымъ коломъ и засыпали землей.

Вотъ, по разсказамъ ижемцевъ, происхожденiе небольшаго кургана, о которомъ мы говорили, на который по нынѣшнiй день, каждый прохожiй бросаетъ, что ему попадется подъ руку. Замѣчательно, что здѣсь дѣлается это въ проклятiе и поношенiе злодѣю, тогда какъ въ двухъ другихъ описанныхъ нами случаяхъ, обычаемъ этимъ почитается память богатырей добродѣтельныхъ.

Можетъ быть, впрочемъ, это надо понимать и такъ, что робкіе ижемцы воздаютъ Ягсѣ почетъ отъ одного только суевѣрнаго страха.